

Sauna

1

Мое детство прошло в ведомственном доме работников речного хозяйства. В "доме водников", как его называли. Это было трехэтажное деревянное строение на восемнадцать квартир, семнадцать из которых занимали работники речного ведомства, а вот восемнадцатая каким-то чудесным образом принадлежала моей семье. Между нами, говоря, для меня и сегодня остается загадкой, как могли попасть туда моими родители, служившие совсем в других ведомствах.

Как я уже сказал, дом имел три этажа соединявшиеся между собой поэтически скрипящей под кирзовыми сапогами моих соседей лестницей.

Все мое детство (да и сегодня) мне казалось, что именно в таком доме и именно с такой замечательной лестницей должен был жить великий сказочник Г.Х. Андерсен. Хотя, возможно, я и преувеличиваю значение лестничных досок в творчестве датского писателя. Может он и вовсе жил в доме с мраморными ступенями? Хотя нет. Ведь камень, как известно молчалив и неспособен быть ничем иным, как оружием пролетариата. Как бы там ни было у великого датчанина, но в моем доме каждая доска жила своей историей. Взять хотя бы, например, вот эту, третью снизу между первым и вторым этажами. Именно на ней поскользнулся как-то шкипер П. Лещев, и я услышал занимательнейшую историю о взаимоотношениях начальника реч. управления и судовой буфетчицы парохода "Отважный". Или вот та, самая верхняя с чуть заметной трещиной на поверхности. О, если бы вы только знали, сколько семейных драм возникало через этот лестничный дефект! А скандал, как известно - живая история. Но вернемся к нашему повествованию.

Огромные двойные окна первого этажа, где квартировали солидные капитаны, выходили на густые заросли шиповника и бузины.

Одинарные окна второго, где жили краснощекие шкипера, глядели своими заклеенными стеклами на крашенный под "карася" общественный сортир. Окна третьего, на котором обитали худосочные бакенщики, никуда не выходили, они попросту отсутствовали.

Я жил во флигеле, между вторым и третьим, но о том, что было, видно из моих окон, я говорить не буду.

Представительные капитаны, сидя вечерами под духмяным шиповником, курили дорогой "Прибой". Румяные шкипера, объявляя очередную "рыбу", тянули демократичный "Север". Костлявые же бакенщики сидели в своих

темных каморках и, костеря очередное повышение цен на алкоголь, смолили самосад. Но все это незначительное неравенство этажей исчезало, когда приходил их производственный праздник. День ... А таких дней у моих соседей, как людей в своем роде замечательных, было множество. День рыбака, моряка, работников речного и воздушного флота, Военно-морских и сухопутных сил. В эти дни все три этажа собирались вместе в ресторане "Голубой Дунай" и, глядя на проплывающие по реке пароходы, пили "ерша" (водку с пивом) и хором пели душевные речные песни: "Что тебе снится, крейсер Аврора" и "Зачем вы, девушки, красивых любите...".

Они и вправду были красивы, мои замечательные соседи, по крайней мере, я так считал.

Я любил их легкие, как зыбь на утренней воде имена - Евлампий, Афиноген, Елисей. А какие звучные, речные фамилии они носили! Сегодня вы уж таких и не встретите - Карасев, Рыбаков, Пароходов и Мазутов... Мне нравились их загорелые, обветренные лица, глуховатые, как рокот речной волны, голоса, и чуть качающиеся, "пьяные", но уверенные походки. Я учился у них манерам настоящих речных волков: сплевывать сквозь плотно сжатые зубы и курить, ломая гармошкой папиросный мундштук. А выучившись у бакенщика Василия Плоткина игре на трехрядной гармошке (забегая вперед скажу, что В. Плоткин чуть позже научил меня заглатывать "ерша"), я стал по праздникам аккомпанировать моим блистательным соседям и петь с ними речные, душевные песни. Песен знал я массу. Но особенно мне удавались лирические: "На побывку едет молодой моряк" и "В море встает за волной волна..."

К моему стыду, хуже всего мне удавалось плавание, хотя эту науку я начал осваивать задолго до того, как выучился пить ерша и играть на трехрядке...

Годам к шести, разобравшись с нехитрым стилем "по-собачьи", я перешел на баттерфляй и в первый раз тонул. Сознаюсь - это был не единственный случай в моей жизни, но в тот, первый раз, меня спас списанный с парохода "Смелый" матрос Толя Непийвода.

- Будет капитаном! - с уверенностью говорил Толя моим родителям, делая их сыну искусственное дыхание.

Капитаном я, увы, не стал, хотя пробовался, как-то шкипером на ржавую и списанную бронвахту, с претенциозным названием "Буря", но это уже отдельная история.

2

Итак, дом имел: три этажа, поэтическую лестницу, кусты шиповника и общественный туалет, но не имел: газа, парового отопления, теплой-холодной воды и, как следствие их отсутствия, ванн и душевых. Особенностью дома (особенность, ставшая моей настоящей страстью и послужившая поводом к этому рассказу), было то, что мои соседи: капитаны, шкипера и бакенщики ходили в баню. Да, да в баню. В те далекие и славные

годы в бани ходили все. Даже ответственные партийные работники. Вот это была демократия!

- Русский человек обязан страдать и ходить в баню - говорил мой отец, тоже капитан, но совсем другого, не речного ведомства. - Ибо там царит пьянящее чувство равенства голых тел, - патетически заканчивал он свою речь и надолго исчезал из дому.

Из-за его частых отлучек в баню меня впервые привела мать. Помню, что там меня поразила жара и обилие совершенно голых людей. Проблемы пола еще не существовало. Её открыл мой спаситель Толя Непийвода.

- Воука, - изумился Толя, когда увидел меня выходящим из женского отделения. - Ну-ка, скажи мне морячок, для чего, рискуя "жизнён", я тебя спасал? - спросил меня Толян.

- Чтоб я был капитаном - ответил я.

- Правильно! - воскликнул Толя. - А разве капитаны с бабами моются? Я неопределенно пожал плечами.

- Запомни, Воука, - и Толя Непийвода перешел на торжественный шепот. - Баба на корабле - это, братишка, пропащее дело.

Когда в следующий раз мать собирала меня в баню, я первый раз в жизни возроптал.

- Не пойду, - набычившись, сказал я.

- Почему? - спросила мама.

- Толя сказал, что если я буду ходить в баню с бабами, то мне не быть капитаном, - ответил я.

- С кем, ты говоришь? - изумленно переспросила меня мать.

- С бабами - повторил я.

Как вам передать, что тут началось! Моя медлительная мама неожиданно превратилась в подвижное и агрессивное существо, требовавшее от меня внятного и быстрого семиологического объяснения гадкой по её словам дефиниции.

- Бабы, это..., - начал я издали, пытаюсь по ходу дела, найти ответ на поставленный вопрос, - ну это как бы баобабы, только маленькие, - и я очертил в воздухе контуры женской фигуры.

- Какие баобабы, что ты несешь, - грозно перебила мои фантазии мама. Если ты будешь выражаться таким словами, то будешь походить на этих алкашей - Карасева, Плоткина и этого прохвоста - бакенщика Пороходова. Ты хочешь быть на них похожим? - печально спросила меня мама.

Бедная, милая, любимая мама, ну разве мог я сказать тебе, что твой сын спит и видит, как стать таким, как эти мужественные и уверенные в себе люди.

- Нет, мамочка - потупив взор в выгоревшую краску пола дома водников, ответил я и, подумав, добавил:

- Но почему ты называешь Пороходова прохвостом, ведь он учит меня игре на трехрядке?

- Если бы этот мошенник вернул, нам все долги, ты давно бы учился в

миланской консерватории! - воскликнула мама.

- Понятно, - смущенно протянул я.

- Ну, раз тебе понятно. То тогда запомни, mon petit (волнуясь, мать всегда переходила на французский), что нельзя говорить: бабы, шкидлы, биксы и мочалки... - от изобилия новых терминов глаза у меня выпучились, как у макетного рака, что стоял на столе управляющего пароходства, - а надо говорить: женщина, сударыня, дама, лучше всего конечно мадам, но... - и она тяжело вздохнула.

- Мне кажется ребенок прав, у нас только бабы и эти самые баобабы и есть, а женщин, а тем более дам-с, показывают лишь в трофейных фильмах, - встрял в разговор находившийся в короткой домашней командировке отец.

- Ну, так и сходил бы с сыном в баню, - закричала ему мать.

- Ты что, дама, с баобаба упала, что ли? Я же тебя говорил, что у меня в рабочем столе "мокруха" нераскрытая лежит. А ты - баня! - возмутился папа и снова надолго исчез из дома.

С того дня я стал ходить в мужское отделение. Здесь мылись мои знакомые капитаны, шкипера, бакенщики и списанный матрос Толя Непийвода. В парной они долго и размашисто колотили себя вениками, а после в буфете пили пенистое, с "ершом", жигулевское и говорили о бабах. Так я впервые почувствовал себя мужчиной. Но тут случилось ужасное...

3

Ведомство, в котором служил мой отец, выделило (видимо за раскрытие той самой лежавший в столе "мокрухи") нашей семье трехкомнатную квартиру. В квартире были: низкие потолки, смежные комнаты и ванная. Последнее грозило для меня жизненной катастрофой. Ибо ванная могла лишить меня бани. Спасло социалистическое разгильдяйство. Горячая, да и холодная вода упорно не хотела подниматься на наш этаж. Не помогло ни грозное название ведомства, в котором служил папа, ни письмо к Л.И. Брежневу... Я по-прежнему продолжал ходить в баню. У меня уже был фибровый, с хромированными уголками чемоданчик, а в Центральных городских банях - свой персональный ящик. В друзьях: банщик Кириллович, банный парикмахер Лазарь Самуилович и истопник Абдулла. В буфете я запросто заглатывал "ерша" со своими бывшими соседями: капитанами, шкиперами, бакенщиками и бывшим матросом парохода "Смелый" Толей Непийвода.

- "Воука" мне "жизней" обязан! - торжественно сообщал Толян и пил со мной на брудершафт.

В перерывах между подмывками я где-то учился, затем сам кого-то учил, а, достигнув в своей жизни определенных соц. высот, поставил на своей "фазенде" баньку. Вжик, вжик, - весело пела на даче пила. Тук - тук, - глуховато подпевал ей плотницкий топорок. Бревнышко к бревнышку, кирпич к кирпичу... К "ноябрьским" пахнувшая свежеекрашенной доской

банька, наполнилась духмяным паром и хмельным шумом. Призывно трубила труба. Шумно бил барабан... Из очередной командировки вернулся отец....

- Возвышенный русский дух своим появлением всецело обязан бане, - сказал он одному начинающему поэту.

- Раскрытие преступлений зависит от плотности пара - уверял он своего сослуживца.

- Западная цивилизация гибнет оттого, что тамошний интеллигент предпочел бане душевую, - говорил он известному в городе диссиденту.

4

В канун моего отъезда в эмиграцию в предбаннике Центральных бань до поздней ночи пили, пели, плакались и целовались: ваш покорный слуга, банщик Владимир Кириллович, банный парикмахер Лазарь Самуилович, истопник Абдулла, кассир И. Лукач, списанный матрос Толя Непийвода и мой благословенной памяти папа. Каждый норовил оставить что-то на память. Кассир Лукич - обильно обсыпанный "лечебной" плесенью березовый веник, парикмахер - хромированное обоюдоострое лезвие, банщик Кириллович - шайку из нержавеющей стали. Толя Непийвода снял тельняшку.

- Ёкарный я бабай, савсэм шайтан, - горестно бормотал истопник Абдулла подарить которому, отъезжающему было попросту нечего.

- Эх, жаль нам тебя, "Воука", - печально качали головами присутствующие и смахивали мокрой простыней набежавшие слезы, - у этих лягушатников, поди, и бань-то нету.

- Вот и я говорю, западная культура, друзья мои, гибнет в тисках душевых, - встрял в обсуждение вопроса папа.

- Э, савсэм ваша не якши гаварить, - перебил причитавших товарищей Абдулла - мая племянника "черпаком" в Турция туда-сюда хадить, много-много бань видэть.

- Ну, будет вам и впрямь тоску нагонять, да зря спорить. Давай еще по одной, и вынесем консенсус, - прервал прения Кириллович и налил всем по очередному стакану "ерша".

Провожжающие сдвинули "малиновские" чарки. Выпили. Крякнули. Закусили. И общим голосованием при одном воздержавшемся порешили, что "бани у Греции ёсть".

- Ты, "Воука", нам "жалезна" напиши, як там "у Греции" с банями (ударение на и), - попросили меня остающиеся.

- Обязательно, заверил я. Хотя и не в Грецию ехал.

Гремя нержавеющей тазиком и обсыпая лечебной пылью березового веника случайных попутчиков, я, наконец, оказался там, "где шумят чужие города" и клубятся пары не наших бань. Но клубятся ли?

Вскоре я уже мучил этим вопросом бывалых эмигрантов, а обзаведясь разговорником - и аборигенов. Бывшие соотечественники, не изменившие языку прежней Родины, были немногословны и откровенно крутили пальцем у виска при упоминании мной слова "парилка". Местный народ был приветливей и даже изображал некую радость, когда я принимался имитировать русскую парную. Однако при слове "Sauna" улыбка вмиг слетал с их лиц и, тревожно переглядываясь, они перебежали на другую сторону улицы.

- Папа, ты был прав, - сказал я далекому отцу, - Западная цивилизация гибнет. Слово "Sauna" приводит людей в шок.

Околесив близлежащие улицы и прилегающие к ним магистрали, и не отыскав на них искомое, я ринулся в дебри бетонных джунглей даунтауна. Долго и безуспешно слонялся я там меж гигантских небоскребов, пока не наткнулся на дверь с пульсирующей надписью "Sauna". Сердце мое радостно забилося при виде этих неоновых букв. Вожделенно потянулся я к дверной ручке, но неожиданно из глубин дремучего подсознания вдруг всплыли испуганные глаза аборигенов.

Я остановился. Одернул руку. Задумался. Внимательно осмотрелся. Нет, что-то здесь было определенно не то, что-то пугало меня в этих латинских пульсирующих буквах "Sauna", что-то настораживало в скабрёзной надписи "Fuck" на банной стене.

Я уже исчезал за поворотом, когда из стеклянной двери вслед мне устремился обтянутый в кожи гладко-бритый женоподобный человек. Молниеносно спутав мои мысли, тщательно бритый субъект втащил меня в дверь с надписью "Enter". Здесь в прохладной тишине лился мягкий голубой свет и звучало нечто глубоко - эротическое. На голубых кафельных стенах висели плакаты мускулистых мужских тел, а на розово-фиолетовых дверях - реклама безопасного секса.

- У нас самый лучший в городе сервис, сэр. И отменная интеллектуальная клиентура, - заверил меня бритый банщик. Этот аргумент оказался решающим.

- Отец, ты был не прав, - подумал я, и произнес: - приду завтра.

- Буду рад вас видеть, - ответил женоподобный банщик.

В ночь, предшествующую банному походу, мне не спалось. Я ворочался, вздрагивал, тревожно нюхал воздух и, по словам жены, был похож на гонимого пса накануне охоты.

Воскресное утро встретило меня свирепствующим в квартире солнцем и мерзопакостными звуками газонокосилки. У входной двери, блестя хромированными уголками, стоял банный чемоданчик. На прикроватной

тумбочке призывно полосатилась выстиранная тельняшка.

Я тронулся, и вскоре гремя нержавеющей тазиком, открыл знакомую дверь "Sauna".

Как и накануне, в предбаннике стояла сумеречная прохлада. Я быстро разделся, и, тряхнув у потерявшего дар речи служителя целебной плесенью принесенного веника, плечом толкнул дощатую створку отделяющую предбанник от помывочной.

Помывочная встретила меня глубоко-эротическими аккордами, льющимися из глубин жарко фонтанирующего жакузи. Кроме этих нежных звуков там струилась и стайка женоподобных лиц, наведшая меня на мысль о процветающей здесь кумовщине. А что я должен был по-вашему еще решить, если плескавшаяся компания своими косыми баками и тщательно бритыми подбородками, как две капли хлорированного жакузи была похожа на оставшегося за перегородкой банщика?

Я слегка смутился от своих подозрений.

Увидев мое замешательство, банная бражка стала, забавно квакая на местном диалекте выяснять у меня значение надпись "Шалун" со стрелкой указывающей в направлении ниже пояса. Смутившись, я стыдливо прикрылся нержавеющей шайкой.

- Простите, а где здесь парная, - помогая своему слабому языку потряхиванием веника, спросил я у одиноко сидевшего на лавочке двухметрового черного человека. Чернявый детина видимо понял мой намек и элегантно обхватив меня за талию, провел в парную. После мягкого голубого света помывочной парилка выглядела сумрачно. На ближней от меня верхней полке кто-то копошился. С полки за спиной неслись какие-то странные звуки, как будто кто-то с аппетитом лизал мороженое. Я обернулся и обомлел.

В ту же минуту до меня дошел ужас, который я видел в глазах аборигенов, при упоминании мной слова "Sauna". Дошел и глубинный смысл бритого лица банщика, а с ним и голубой цвет банной керамической плитки.

У вас когда-нибудь при температуре 100 градусов выше нуля ноги покрывались толстым слоем инея? Нет? Ну и славу Богу. Ибо это скажу я вам крайне неприятное ощущение.

Странно, но первой мыслью возникшей в помутневшем от страха и стыда мозгу, была не мысль, как выскользнуть из этой парилки девственником, а недоумение что же я теперь напишу Кирилловичу, и как это объяснит острый на язык Вульфович списанному матросу - Толе Непийводе. Мысль о побеге возникла чуть позже, когда двухметровый бугай легонько подтолкнул меня в направлении "мороженщиков". Бежать, - этой мыслью запульсировали все мои охваченные страхом члены. Но как? Впереди раскаленные камни, по бокам увлеченные мороженщики, сзади двухметровый великан. "Неужели для того спасал меня Толя Непийвода, что бы я вот так, за здорово живешь, пропал в этой парилке?", - подумал я. И собрав окоченевшую от страха волю в округлые бока принесенной мной склянки "эквалиптуса", с бешеной силой

метнул её на серые камни. Встревоженные стеклом и водой булыжники угрожающе зашипели. Через несколько секунд парилка пропала в нестерпимо жарком тумане. Стало тихо, как в последние минуты перед грозой.

Тишину расколол истошный крик мороженщиков и грязный английский мат черного бугая. В эту короткую минуту всеобщего замешательства я толкнул тазиком спасительную дверь предбанника и, пугая увядшей листвой своего венка раздевающуюся в эротических звуках публику, устремился к выходу на улицу. Трудно сегодня представить себе ход событий на примыкающих к "Sauna" улицах, не перехвати беглеца могучие контролеры. Переполох, охвативший помывочную, вскоре прервал средних лет импозантный мужчина (директор "Sauna"). Он красочно размахивал пальцем с сердито сияющим на нем голубым бриллиантом у бритого лица банщика и любопытно рассматривал мой веник.

Потом я сидел с тазиком и в тельняшке в административном кабинете. Директор с живым интересом разглядывал мою нержавеющую шайку, интересовался качеством полосатой рубахи и пытался втолковать мне что-то о назначении "Sauna". Но эвкалиптусный угар и увиденная мной на банной полке картина, напрочь выбили из моей головы и без того чахлые знания языков - Шекспира, Сервантеса и Стендаля. Поэтому директор куда-то позвонил и со мной разговаривал некто М. Ивансон.

- Что случилось? - спросил у меня М. Ивансон.

- Западная цивилизация гибнет в тисках "Sauna". В ней "лизжут мороженое", я надеюсь, что вы как интеллигентный человек, понимаете, о чем я говорю - ответил я.

- Это спорный вопрос, - возразил мне переводчик, - но вы успокойтесь "мороженое" вам без вашего желания никто не предложит.

- Вы уверены? - робко поинтересовался я.

- Однозначно, - любимым словом "сына юриста" ответил мне М. Ивансон.

Мы еще немного поговорили с ним на отвлеченную тему (положительный процент прохождения иммиграционных судов беженцами из бывшего СССР) и он положил трубку.

Я встал. Вскочил и представительный директор "Sauna". Он долго и вежливо, любопытно при этом рассматривая мой веник, (я даже склонен предполагать, что директор принял меня за мазохиста) извинялся и предлагал заходить еще, обещая 35% скидку на входной билет.

Эпилог

Долго после этого я приходил в себя. Мне стыдно было смотреть на жену и аборигенов. Ни о каком письме к своим банным товарищам прошлого не могло идти и речи. Какое уж, сами подумайте, тут письмо, когда по ночам в эвкалиптовом тумане вас преследует чернокожий детина, а женоподобный

банщик бриллиантовым пальцем импозантного мужчины зазывает под светло-голубые своды "Sauna".

По счастью, время - лучший лекарь. Сны оказались не вечными, и голубые страхи вскоре прошли. Только самовыражающиеся фосфорическим светом надписи "Sauna" я обхожу теперь стороной.